

С древнейших времён поэты Центральных равнин воспевали в своих стихах и одах суровое величие Журавлиного тракта, изливая в строках свои сокровенные чувства. Говорили, что если неуклонно следовать по этой древней тропе на восток до самого конца, то можно подняться на вершину горы Майкунь - самой неприступной и опасной во всей Великой Юй. Из века в век мало кому удавалось покорить этот пик, и лишь единицы смогли воочию узреть ту ослепительную, грандиозную красоту, что открывалась с его вершины. Именно поэтому Журавлиный тракт всегда оставался священным местом в сердцах поэтов и полководцев Великой Юй. Помимо поэтической меланхолии, эта тропа пробуждала в них жгучее, непреодолимое желание подчинить её себе.

И вот теперь на Журавлиный тракт ступила Чжэнь Вэньцзюнь. Однако её вела вовсе не жажда прекрасного.

Тракт представлял собой узкую, вытянутую древнюю тропу, чья опасная колея петляла среди отвесных скал и глубоких ущелий. Здесь и обычному человеку пройти стоило огромного труда, не говоря уже о том, чтобы проложить полноценную дорогу. Эта тропа была буквально шаг за шагом, капля за каплей вытоптана ногами бесчисленных путников прошлых эпох, что и превратило Мэнлян в неприступную твердыню, которую невероятно тяжело штурмовать.

Но как бы ни был крепок Мэнлян, варвары Чунцзиня уже умудрились однажды взять его штурмом, а в этот раз они и вовсе собрали под своими знамёнами гигантскую орду. Позволь они этой лавине беспрепятственно докатиться до городских стен, и кровавая трагедия прошлого погрома неизбежно повторилась бы вновь.

В битве при таком катастрофическом неравенстве сил идти напролом было безумием. Победы можно было достичь лишь хитростью.

И задача Чжэнь Вэньцзюнь заключалась в том, чтобы прямо здесь, на Журавлином тракте, максимально проредить и обескровить полки неприятеля.

Цзо Куньда во главе трёх сотен лёгких всадников вернулся из глубокой разведки и доложил, что передовые корпуса Чунцзиня находятся всего в десяти ли от ущелья и вот-вот вступят на тракт.

- Отлично, - скомандовала Чжэнь Вэньцзюнь, приказав всем отрядам немедленно занять свои позиции.

Воины Чунцзиня уже однажды проходили по Журавлиному тракту и прекрасно знали обо всех его смертельных опасностях. Они понимали, что если враг затаится на кручах и обрушит на них лавину камней, их всех до единого попросту раздавит в лепёшку. Именно поэтому перед входом в теснину армия перестроилась в полную боевую готовность. Все повозки и лошади двигались строго по самому центру тропы, чтобы катящиеся со склонов валуны не могли сразу зацепить воинов. Вождь Хаэрцы приказал абсолютно всем братьям облачиться в тяжёлые латы и держать в руках железные щиты, и даже боевых коней заковали в прочную броню, чтобы уберечь их от внезапных залпов арбалетчиков Великой Юй.

Хаэрцы продвигал свою армию вперёд с величайшей осторожностью. Он даже выделил специальные передовые отряды пеших, приказав им тщательно прочесать горные тропинки по обеим сторонам тракта на предмет засад, однако обследовать бесконечную цепь поросших лесом скал было задачей не из лёгких.

А-Си неотлучно находилась подле Чжэнь Вэньцзюнь. И хотя ей никогда не приходилось взбираться на самый пик Майкуня, сам Журавлиный тракт она исходила вдоль и поперёк добрую сотню раз. Девушка безупречно знала рельеф здешних гор и точно могла указать, какие именно участки ущелья были самыми узкими и идеально подходили для сокрушительного удара.

Чжэнь Вэньцзюнь и её воины укрылись на скалах, облачившись в маскировочные походные плащи, так что заметить их со стороны было практически невозможно.

Они застыли в немом ожидании.

Враг пришёл.

Если смотреть с вершины утёса вниз, наступающая армия Чунцзиня походила на бесконечную вереницу муравьёв, медленно ползущих по дну ущелья. Их длинный шлейф терялся за горизонтом, и на глаз в авангарде шло никак не меньше пятидесяти тысяч воинов.

– Это далеко не все их силы, – вполголоса произнёс Цзо Куньда. – Тот перебежчик из Великой Юй, что ранее присягнул на верность покойному вождю Хуэрцзи, неплохо смыслит в тактике. Он внушил вождю Хаэрцы, что ни в коем случае нельзя загонять всю огромную армию на Журавлиный тракт одновременно. Если сложить все яйца в одну корзину, то стоит ей перевернуться, и потери будут невосполнимыми.

– Ничего страшного, – Чжэнь Вэньцзюнь тонко, хищно улыбнулась. – Для начала нам с лихвой хватит и того, чтобы одним махом уничтожить эти пятьдесят тысяч.

Командир авангарда кочевников по имени Маэрхэ ехал верхом впереди колонны, непрерывно и бдительно осматривая кручи. И хотя в ущелье царил зловещая, мёртвая тишина, прерываемая лишь мерным топотом их собственного конного отряда, его звериное чутьё воина явственно улавливало потаённую, невидимую угрозу.

Но стоило коннице втянуться в самую узкую теснину, в так называемое «Горло журавля», как Маэрхэ внезапно почувствовал, что его боевой конь ведёт себя крайне странно.

Жеребец начал испуганно, глухо всхрапывать, его шаг стал неровным и хаотичным, и животное, словно в пьяном угаре, принялось упрямо косить влево, увлекая всадника напрямик к отвесной скале. Маэрхэ мёртвой хваткой натянул поводья, пытаясь силой выровнять скакуна, однако конь не просто отказался подчиняться командам – он, словно одержимый злыми духами, с диким рвением понёсся вперёд и со всего маху врезался головой в каменную стену.

Ошарашенный командир обернулся и похолодел от ужаса. Не только его жеребец, но и абсолютно все боевые кони, успевшие войти в «Горло журавля», поддавались неведомой силе, и их неодолимо влекло к скалам по обеим сторонам тракта. В теснине мгновенно поднялся неописуемый хаос, кони вставали на дыбы, давили друг друга, и ущелье содрогнулось от диких криков раненых воинов.

Маэрхэ никак не мог прийти в себя от подступающего ужаса. Что за чертовщина происходит в этих горах? Неужто здесь бесчинствуют призраки, или эти хитрые ханьцы применили против них своё зловещее тёмное колдовство?

Он принял молниеносное решение бросить коня и соскочить на землю, но именно в этот миг произошло нечто ещё более леденящее душу. Какая-то невидимая сила, точно гигантская призрачная длань, мёртвой хваткой вцепилась в него и принялась с бешеной силой тащить напрямик к каменной стене ущелья. Едва Маэрхэ успел высвободить ноги из стремян, как его тело буквально выдернуло из седла, он взмыл в воздух, пролетел несколько сажень и со всего маху с глухим стуком припечатался спиной к отвесной скале.

Маэрхэ не верил собственным глазам, содрогаясь от увиденного. Бесчисленные боевые кони и закованные в латы воины точно так же, как и он, неодолимо присасывались к утёсам. Одни с дикими криками волочились по земле, другие буквально летели по воздуху, и от этой безумной круговерти у командира мутилось в голове. Подобное противоестественное, жуткое зрелище гарантированно должно было остаться с ним кошмаром до конца его дней!

В ту же секунду с вершин круч долетел раскатистый, оглушительный грохот и то, чего Маэрхэ опасался больше всего на свете, претворилось в реальность.

Заблаговременно заготовленные на вершинах гор огромные валуны были сброшены вниз. По короткой команде Чжэнь Вэньцзюнь каменные лавины с гулом устремились по склонам. Земля заходила ходуном, горы задрожали, а предсмертные вопли несчастных кочевников эхом потрясли всё ущелье. Пусть армия Чунцзиня и была морально готова к засаде с камнепадом, они и в самых страшных снах не могли вообразить, что неведомое колдовство намертво прилепит их к скалам, лишив малейшей возможности отскочить в сторону или уклониться от удара.

Камнепад в одно мгновение превратил пятидесятитысячный авангард Чунцзиня в бескрайнее месиво из плоти и крови. Когда густая завеса поднявшейся пыли начала постепенно оседать на землю, оказалось, что чудом уцелеть удалось едва ли двум тысячам человек. Впрочем, это вовсе не означало, что они сохранили свои жизни.

Не успели варвары прийти в себя от пережитого ужаса, как со всех сторон грянул громоподобный воинственный клич. Чжэнь Вэньцзюнь и Цзо Куньда во главе пяти тысяч отборных воинов Великой Юй ринулись с круч, беря выживших в кольцо. В ходе короткой зачистки они взяли живьём более пятисот пленных и угнали свыше трёх тысяч уцелевших строптивых коней. Этот бой обернулся для китайской армии абсолютным, грандиозным триумфом.

Передовые полки по праву считались элитой войска Чунцзинь, а сам Маэрхэ был молодым, подающим огромные надежды генералом, на которого вождь Хаэрцы возлагал колоссальные надежды. И надо же, этот отряд был поголовно уничтожен ещё до того, как успел хотя бы приблизиться к стенам Мэнляна. Пятьдесят тысяч отборных силачей сгинули без остатка, что повергло вождя Хаэрцы в полное, парализующее недоумение.

Разве перед выступлением они во всех деталях не проработали тактику защиты от камнепадов и арбалетных залпов? Ради этого они специально разбили колонны на дистанции, удерживали идеальный строй, принципиально держались подальше от опасных скал и заковали в броню даже лошадей! Так почему же их всех до единого раздавило в лепёшку?!

Лицо Хаэрцы позеленело от бессильной ярости, а по спине пробежал ледящий мороз.

- Ха-ха-ха-ха! Да если бы не этот их заносчивый столичный советник из наших перебежчиков, который заставил их продвигаться с такой ювелирной осторожностью, ещё неизвестно, увенчался бы наш план с Магнитной горой успехом или нет!

С триумфом вернувшись в Мэнлян Чжэнь Вэньцзюнь молодой генерал Вэй Цзинъань лично пригласил за пиршественный стол, чтобы всласть напоить вином. Окружившие её офицеры и солдаты один за другим подходили с чашами, выказывая ей высшее почтение и похвалу. В шатре царило невероятное, бурное веселье: столь блистательное начало великого сражения было величайшим благом и радостью для всего воинства Великой Юй.

Чжэнь Вэньцзюнь и сама была счастлива без памяти, однако она слишком хорошо помнила, какова она под хмелем. Потерять человеческий облик и устроить пьяный дебош после победы было бы верхом позора, к тому же в углу шатра неотлучно присутствовала сама Вэй Тинсюй. Когда кувшин обошёл всех гостей по кругу и чаша вновь оказалась в руках Чжэнь Вэньцзюнь, в ней по-прежнему оставалась половина доброго питья.

Она неторопливо, маленькими глотками осушила кубок и мельком взглянула в дальний угол шатра. Там, озарённая мягкой, благодушной и безмятежной улыбкой, за ней безмолвно наблюдала Вэй Тинсюй. От этого взгляда Чжэнь Вэньцзюнь почувствовала, как по её спине пробежали лёгкие мурашки. Ей почудилось, будто она начинает понемногу сходить с ума. Теперь, какую бы ласковую и нежную маску ни надевала Вэй Тинсюй, девушке ежесекундно казалось, что за ней скрывается зловещий умысел, и советница вот-вот выхватит из-под подола острый клинок, чтобы пустить кому-нибудь кровь. И это при том, что в последние дни эта «кровавая заговорщица» вела себя на редкость смирно и кротко! Похоже, тот пугающий первобытный страх перед гением Вэй Тинсюй уже слишком глубоко въелся в саму структуру её костей, и избавиться от него было невозможно до конца дней.

Послушно опустив пустую чашу на стол и не смея больше притрагиваться к хмельному, Чжэнь Вэньцзюнь поднялась с места и за руку вывела вперёд смущающуюся А-Си. Повернувшись к затихшим воинам, которые ещё секунду назад наперебой превозносили её как величайшую

героиню Поднебесной и элиту Великой Юй, она громогласно объявила, что весь этот грандиозный тактический план по уничтожению врага у Магнитной горы никогда не претворился бы в жизнь, не будь рядом с ней А-Си. Без её феноменальных познаний мест она бы даже додуматься до такой ловушки не смогла.

Ещё незадолго до её прибытия на передовую А-Си как-то рассказывала ей историю о горе Цаньсаньфэн, упомянув, что «ныне от неё остались лишь две вершины». Оказалось, изначально гора Цаньсаньфэн имела три вершины, но одна из них была сплошь сложена из магнитного железняка, что сильно мешало проезду коней и повозок. Поэтому люди попросту скрыли её, а все добытые магнитные глыбы свалили на дно ущелья Гуйсиньгу. Месяц назад Чжэнь Вэньцзюнь и А-Си как раз отыскиали те самые заброшенные залежи магнетита в ущелье. Стоило им обнаружить их, как длинное копьё, висевшее за спиной Чжэнь Вэньцзюнь, с такой силой рвануло назад, что едва не увлекло саму девушку на дно расселины.

Тут же стало ясно, что притяжение камней было поистине колоссальным, а значит, этот тактический план вполне можно претворить в жизнь.

Они затратили огромное количество человеческих сил и ресурсов, чтобы перетащить тяжёлые глыбы из ущелья Гуйсиньгу к самому узкому отрезку Журавлиного тракта - к «Горлу журавля». Там камни раскололи на огромные плоские пластины и намертво закрепили по обеим сторонам отвесных скал. Поскольку местные утёсы и без того имели невзрачный серый оттенок, магнетитовые вставки на их фоне совершенно не бросались в глаза. Сверху их дополнительно присыпали сухой травой и сорняками, и чунцзиньцы действительно не заметили скрытый подвох.

Самым забавным во всей этой истории было то, что варвары в буквальном смысле оказались перехитрены собственной же сверхосторожностью. Рвани они на штурм Мэнляна по своему старому обычаю облачёнными в одни лишь звериные шкуры и на конях без грамма железа, то магнитный капкан не причинил бы им ни малейшего вреда. И сколько бы камней ханьцы ни обрушили с круч, поголовно уничтожить пятидесятитысячную орду им бы ни за что не удалось. Как-никак, затащить многотонные валуны на господствующие высоты к точкам сброса - это адский, изнурительный труд, и заготовить тысячи снарядов, чтобы швырять их наугад, было физически невозможно. Каждый сброшенный камень обязан был разить без промаха. И то, что невидимая сила намертво припечатала неприятеля к скалам, позволило довести убойную мощь камнепада до абсолютного максимума.

- Так что в сегодняшнем разгроме врага именно А-Си принадлежит первейшая, наивысшая заслуга, - Чжэнь Вэньцзюнь крайне редко оказывалась в центре столь пристального, всеобщего внимания, к тому же все окружавшие её воины принадлежали к семье Вэй. Слегка смутившись от их жгучих, восхищённых взглядов, она поспешно выдвинула А-Си вперёд, укрываясь за её спиной.

А-Си же оказалась девушкой без комплексов и ложного стыда. Задорно хихикнув, она махнула рукой:

- Да ладно вам, пустяки! Я-то всего лишь языком чесала, а вот всё тактическое построение,

манёвры и переброску сил целиком и полностью взяли на себя Вэньцзюнь и Куньда. Моего труда тут считай и нет.

Офицеры толпой двинулись к ней, намереваясь поднести победные чаши, и А-Си не стала церемониться. Перехватив чашу с вином, она другой рукой мёртвой хваткой вцепилась в сочную, только что зажаренную на костре баранью ногу. Осушая чашу в один глоток и шумно заедая вино нежным мясом, она уплетала угощение за обе щеки, светясь от счастья.

Цзо Куньда в это время тоже вовсю и увлечённо беседовал с генералами. Пользуясь тем, что эти двое товарищей приняли весь огонь праздничного внимания на себя, Чжэнь Вэньцзюнь сумела незаметно выскользнуть из-за стола и поспешно вернулась к Вэй Тинсуй.

– В шатре слишком густо пахнет вином и хмелем. Вывези меня наружу, хочется вдохнуть свежего воздуха, – негромко попросила Вэй Тинсуй.

– Слушаюсь!

Чжэнь Вэньцзюнь покатила кресло вон из душного шатра. Пронизывающая ночная прохлада в один миг выветрила из головы остатки лёгкого хмеля и заставила мысли проясниться.

– Сестрица, ты и впрямь оказалась неограниченным алмазом. В тебе скрыт редкий, выдающийся талант как великого полководца, так и мудрого министра. Видеть, как ты сегодня блистаешь в лучах славы среди моих офицеров, истинная радость для меня, – эти слова Вэй Тинсуй бальзамом легли на душу Чжэнь Вэньцзюнь, заставив её сердце сладостно затрепетать от смущения и нежности. Однако, присмотревшись к лицу госпожи, она заметила в её облике смутную печать глубокой грусти и меланхолии.

– Сестрица, воспоминания о чём-то всколыхнули твою душу? – Чжэнь Вэньцзюнь ласково опустила на одно колено прямо перед креслом, бережно согревая её леденящие ладони в своих руках. Неизвестно, с каких именно пор они стали настолько близки друг другу, но Вэй Тинсуй больше не выказывала ни малейшего отторжения к её прикосновениям.

Устремив взор на усыпанный яркими звёздами небосвод, Вэй Тинсуй тихо произнесла:

– Я вспомнила своего старшего брата.

Чжэнь Вэньцзюнь на секунду замерла, и выражение её лица стало серьёзным.

– Моего самого старшего брата звали Вэй Цзинсю, второго – Вэй Цзинъань, третьего – Вэй Цзинтай. В их имена наш отец когда-то вложил свои самые заветные надежды. Он страстно молил о том, чтобы в Великой Юй наконец воцарились вечный покой, процветание и мир. В те далёкие годы покойный император ещё не начал слепо и болезненно подозревать нашего отца во всех грехах, и никто из нас в самых страшных снах не мог вообразить, что наш преданный

престолу клан Вэй в будущем постигнет столь чудовищная, кровавая катастрофа. Наша империя уже много лет ведёт непрерывную войну с варварами-ху, и нам никак не удаётся искоренить эту заразу. Но будь сегодня жив мой старший брат... Поверь, кочевники не то что до Мэнляна... они бы даже к границам пограничной заставы Цяньхай подойти близко не посмели, не говоря уже о том позорном геноциде и резне, что они устроили в наших городах.

Чжэнь Вэньцзюнь тихо спросила:

– Значит, наблюдая сегодня яростный и величественный боевой дух второго молодого господина на поле брани, ты мысленно вернулась к образу старшего брата?

Вэй Тинсуй ничего не ответила, лишь безмолвно и отрешённо продолжая всматриваться в бескрайнюю ночную высь.

Раз госпожа не желала больше тратить слова, Чжэнь Вэньцзюнь не стала докучать ей расспросами. Она просто осталась сидеть подле неё, ласково сняв с собственных плеч тяжёлую походную накидку и заботливо укутав ей хрупкое тело Вэй Тинсуй, оберегая её от пронизывающей ночной стужи фронта.

– Сестрица, а знаешь ли ты, что, когда мы только-только воссоединились, я безумно тебя боялась? – Чжэнь Вэньцзюнь сидела на одном колене прямо перед её креслом, бережно и аккуратно перебирая её изящные пальцы. – Не стану скрывать, в те дни ты была совершенно иной, нежели сейчас. Либо твоё лицо оставалось леденяще-холодным, либо ты становилась настолько капризной и непредсказуемой, что предугадать твои мысли было невозможно. В один миг мне казалось, будто между нами уже зародилась глубокая, нерушимая привязанность, а в следующую секунду ты вновь становилась чужой и безжалостной. Мне всегда чудилось, что я совершенно тебя не знаю. Но в последнее время ты всё чаще позволяешь себе являть передо мной свои подлинные чувства. И пусть ты даже порой срываешь на мне свой мелкий гнев, я счастлива, ведь это значит, что ты наконец признала меня своим, по-настоящему близким человеком. Абсолютно всё, что связано с тобой, я навечно запечатлела в своём сердце, и сейчас это самая первейшая, наивысшая забота в моей жизни. Я знаю, что ты всегда была сильной и несокрушимой духом, но... если наступит хотя бы одна короткая секунда, когда тебе невыносимо захочется излить кому-то душу, пожалуйста, вспомни обо мне. Позволь мне стать этим человеком.

Чжэнь Вэньцзюнь со всей искренностью и нежностью вглядывалась в лицо Вэй Тинсуй. Прижав её ладонь к своим губам, она едва ощутимо коснулась чувствительной кожей её тонких костяшек.

Вэй Тинсуй опустила длинные ресницы, созерцая сидевшую перед ней ласковую, послушную Чжэнь Вэньцзюнь. Она приподняла вторую руку, плавно провела ладонью от её виска к самому кончику уха и мягко коснулась крошечной родинки на мочке. Улыбнувшись, она тихо произнесла:

– Говорят, люди, у которых есть родинка на самом кончике уха, отличаются редким

послушанием и кротким нравом.

- Да, я послушная. Вот только слушаться я стану далеко не каждого.

- О?

- Мой слух открыт лишь для твоих речей, сестрица, - Чжэнь Вэньцзюнь задорно хмыкнула. Её колено уже изрядно затекло и онемело от леденящей земли, однако подниматься ей не хотелось. Ей до безумия нравилось это ощущение, когда ладонь Вэй Тинсуй ласково перебирает её волосы, и казалось, будто она парит в бескрайних небесах, убаюкиваемая мягкими облаками, а в самой глубине её существа расцветает тонкое, едва уловимое блаженство.

Но лёгкий тычок пальца Вэй Тинсуй в её щёку в один миг вернул девушку из этих пушистых небесных чертогов обратно на землю.

- Я никогда не пыталась вычеркнуть из памяти или обойти стороной то, что со мной сотворили в Жанчуане. Я до единой крупиты, до мельчайших деталей помню всё, что там происходило. И даже если бы в моей голове зародилось глупое желание позабыть тот кошмар, шрамы на моём теле вечно кричали бы мне об обратном. Вместо того чтобы трусливо бежать от своего прошлого, куда разумнее принять его. Принять как неотъемлемую часть моей судьбы, как ту страшную цену, которую мне суждено было заплатить, чтобы стать той, кем я являюсь сегодня. Если забыть о моём вечно немощем, слабом теле, мне искренне нравится моя нынешняя натура. Это куда лучше, нежели прозябать в глухих покоях девичьей спальни, зная лишь игру на цитре, шахматы, каноны и стихи, да слепо подчиняться мужу и воспитывать детей. Я твёрдо понимаю, что передо мной лежит великое множество великих дел, и у меня более чем достаточно сил и таланта, чтобы исполнить их безупречно. Опережая твои мысли, тебе не о чем беспокоиться. Тогда в лачуге я заставила тебя взглянуть на шрамы на моём теле лишь с одной целью: чтобы ты воочию уяснила, насколько звериная, палаческая натура скрывается под человеческим обликом наших столичных врагов. Они мастера обольщения, изощрённо умеющие туманить чужой разум сладкими речами. И я всем сердцем не хотела, чтобы они ослепили и тебя. Наше восхождение к вершинам власти и сотворение вечной империи, безусловно, важны, к тому же нашу семью Вэй шаг за шагом, неумолимо загоняли в этот угол, лишая малейшего выбора. Нам попросту не оставили иных путей. Разумеется, я ведаю, насколько ты одарена, сметлива и способна сама отличить истину от фальши. Но... я просто не переживу, если потеряю ещё хоть одну дорогую мне душу. Будь то мой второй старший брат... или ты.

Сердце Чжэнь Вэньцзюнь от этих слов бешено, оглушительно затряслось в груди. Ей показалось, будто сквозь холодный политический расчёт она наконец расслышала самое сокровенное, бесценное послание, скрытое в речах Вэй Тинсуй. Она устремила на неё взгляд, и её лицо озарилось ослепительной, точно яркое весеннее солнце, улыбкой. Её губы уже дрогнули, готовые выдохнуть ответное признание, как Вэй Тинсуй внезапно отрезала холодным тоном:

- Однако великие имперские амбиции уже простёрты перед нами, и мы не имеем права

выказывать ни малейшего малодушия или лени. Сестрица, в грядущем деле ни один человек Поднебесной не справится лучше тебя.

Они ещё не успели завершить свою потайную беседу, как благодатную, безмолвную тишину ночного Мэнляна в один миг в клочья разорвал истошный, леденящий кровь человеческий крик.

Кожа на голове Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно натянулась от подступающего ужаса, и она пружиной вскочила на ноги. Обе девушки без труда определили по звуку, что предсмертный вопль донёсся со стороны Южных ворот цитадели.

В ту же секунду над городскими башнями Мэнляна зашёлся в безумном, непрекращающемся набате оборонительный колокол - священный сигнал о том, что враг пошёл на штурм стен!

Над некогда праздновавшим победу и убаюканным лёгким хмелем городом до сих пор витала тонкая дымка винных испарений, воины только-только разошлись по казармам и погрузились в глубокий сон после пира, никак не ожидая, что посреди глухой ночи грянет этот набатный колокол тревоги.

А человеком, который сейчас со всей силы бил в колокол на башне, был сам великий генерал Вэй Цзинъань!

Выпив немного вина в шатре, Вэй Цзинъань не стал продолжать кутёж. Позволив остальным веселиться от души, он сам отправился на крепостную стену, дабы сменить стоявших на часах солдат.

– Сегодня у нас отменное вино, свежее мясо и бараньи ноги, не упустите момент! Живо ступайте, набейте брюхо, а дозор я возьму на себя! – стоило генералу произнести эти слова, как у караульных дружно и громко заурчало в животах. С Вэй Цзинъанем на стенах остались лишь тридцать воинов для верхового объезда, остальные же поспешили в лагерь насыщаться.

В рассудке Вэй Цзинъаня всё это время струной была натянута невидимая нить тревоги. Чем громче гремело веселье вокруг, тем сильнее его охватывало дурное, зловещее предчувствие. Возможно, виной тому был случай из прошлого. Когда шестнадцатилетний Цзинъань только-только готовился взять в жёны свою невесту, с которой они росли бок о бок с самого детства, и его жизнь дышала весенним триумфом, в один миг пришла весть о гибели старшего брата, сокрушившая всю семью Вэй и перевернувшая его судьбу. А спустя всего месяц после кончины брата его наречённая внезапно сгорела от тяжёлого энцефалита и покинула этот мир. С тех самых пор Вэй Цзинъань питал подсознательный, первобытный страх перед шумными празднествами, вечно ожидая, что в самый пик веселья кто-то ворвётся в двери и сообщит ему о смерти последнего дорогого человека.

Именно поэтому праздничный пир оставил в его душе лишь тяжёлый, давящий осадок, и чтобы не портить товарищам добрую атмосферу, он предпочёл уйти в дозор.

И эта вечная, вьёвшаяся в кровь бдительность Вэй Цзинъаня спасла их. Он первым заметил неладное.

Едва поднявшись на стену, он разглядел сквозь ночную темень смутные, почти неразличимые чёрные тени. Эти силуэты, точно тучи ползущих на Мэнлянь муравьёв, двигались сплошной, колоссальной массой и в абсолютной, гробовой тишине, отчего по коже пробирал мороз.

– Запускайте воздушные фонари дозора! – выкрикнул Вэй Цзинъань, и все его нервы натянулись как тетива. Солдаты без секундного промедления зажгли сигнальные фонари и выпустили их в небо. Над Мэнлянем издавна дули яростные северные ветры, так что стоило врагу пойти на штурм с южной стороны, как фонари, увлекаемые потоками воздуха, заливали спящую орду ярким светом.

Связанные длинными цепочками тысячи дозорных фонарей устремились по ветру на юг, ослепительным сиянием озаряя чёрную, застывшую землю. И в тот же миг взору Вэй Цзинъаня и его солдат открылась страшная истина: эти тени были основными, главными силами армии Чунцзиня! Они принципиально шли пешим маршем, без коней, стремительно передвигаясь в глухой ночи без единого звука, и умудрились незаметно подобраться к самым подножиям стен Мэнляня! Шок от увиденного был неопишуемым. Вэй Цзинъань со всей силы ударил в набатный колокол, призывая проснувшихся ратников к оружию!

Чжэнь Вэньцзюнь и Вэй Тинсюй тоже расслышали этот безумный гул. Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно развернула кресло и на полной скорости помчалась обратно к городу. Но не успели они покрыть и десяти широких шагов, как прямо над их головами с глухим, зловещим рокотом в небеса взмыло нечто огромное и могучее. Вскинув головы, они обомлели. Десятки зажжённых снарядов с горючим маслом огненными кометами прорезали ночной небосвод, окрашивая облака в кроваво-красный цвет, и устремились вниз, готовые обрушиться прямо на жилые кварталы.

В одно мгновение город утонул в волне истошных, панических человеческих криков. Находившиеся вокруг Чжэнь Вэньцзюнь ополченцы и беженцы в панике метались во все стороны, устраивая жуткую давку.

Бомбы с горючим маслом с грохотом врезались в Мэнлянь, разбрызгивая вокруг потоки кипящего, несмываемого пламени. За считанные секунды крепость превратилась в сплошной полыхающий ад, и языки яростного огня начисто поглотили даже разбитые прямо на улицах походные военные шатры.

У Чжэнь Вэньцзюнь от летевших брызг загорелись волосы, она без секундных колебаний кинжалом начисто срезала вспыхнувшие пряди на затылке и, толкая перед собой кресло Вэй Тинсюй, со всех ног бежала прочь. Навстречу им неслись обезумевшие люди, кони в панике давили пеших, а вокруг с истошными воплями метались живые раненые воины, объятые пламенем. Пробриться сквозь это безумие было задачей из невыполнимых. Тяжёлое, громоздкое

кресло застревало в обломках и лишь мешало им спастись бегством. Видя, как прямо на Вэй Тинсую с диким криком несётся полностью охваченный огнём мужчина, Чжэнь Вэньцзюнь мощным ударом ноги отшвырнула его в сторону, рывком подхватила Вэй Тинсую на руки и бросилась бежать пешком.

Сгустки пылающего масла дождём сыпались с небес, и стоило хоть одной капле зацепить одежду, тяжёлых ожогов было не избежать. Чжэнь Вэньцзюнь приходилось одновременно и высматривать дорогу среди завалов, и непрерывно караулить падающий сверху огненный град, из-за чего её силы таяли на глазах. Прямо на её затылок сверху летел очередной масляный снаряд, когда обхватившая её за шею Вэй Тинсую звонко выкрикнула:

- Два шага влево!

Чжэнь Вэньцзюнь даже не подумала усомниться, на чистых рефлексх повинаясь команде Вэй Тинсую, и резко прыгнула в левую сторону. Полыхающий ком масла с шипением врезался в землю прямо там, где она стояла секунду назад.

- Бежим! Ты высматриваешь дорогу впереди, а я беру на себя небо!

- Договорились!

Слаженность их действий была абсолютной, ювелирной. Уклоняясь от ударов стихии, они в рекордно короткие сроки пробились к люку подземного водоканала. Мощность огненной атаки варваров была столь сокрушительной, что все дома на поверхности либо лежали в руинах от прямых попаданий, либо были объаты непреодолимым пожаром. Спасения наверху не оставалось вовсе. И первой мыслью, вспыхнувшей в голове Чжэнь Вэньцзюнь, было укрыться под землёй.

Сорвав тяжёлую крышку люка, она бережно и плавно спустила Вэй Тинсую на дно подземного канала. Каналы Мэнляна были куда более мелкими, нежели огромные лабиринты под столицей Жунин, и их глубина едва превышала рост самой Чжэнь Вэньцзюнь.

- Сестрица, умоляю, перетерпи немного и побудь здесь! - тяжело дыша, выпалила Чжэнь Вэньцзюнь. - А я должна вернуться наверх, нужно спасти из этого ада остальных!

Но едва она изготовилась прыгнуть обратно к люку, как Вэй Тинсую мёртвой хваткой вцепилась в её руку, не отпуская.

Чжэнь Вэньцзюнь обернулась и устремила на неё взор. В глубине зрачков Вэй Тинсую она отчётливо, без прикрас разглядела щемящую тоску, нежелание расставаться и глубокую тревогу за её жизнь. Прямо над их головами по-прежнему гремели огненные взрывы и раздавались непрерывные, истощные вопли. Кричали её соплеменники, её братья по оружию. Чжэнь Вэньцзюнь всем сердцем не хотела безвольно созерцать, как эти люди гибнут напрасно. К тому же на её плечах лежала куда более важная, священная миссия.

- Будь спокойна, - Чжэнь Вэньцзюнь крепко сжала её ладонь в ответ, и её душу затопило бескрайнее, благодатное тепло. - Я обязательно сделаю то, что должна. Тинсуй... Я... я обещаю тебе, что вернусь, и мы вместе уедем в Жунин. Я хочу сама увидеть, как во всём нашем дворе расцветут те розы «Пайхуай», что ты посадила ради меня.

Вэй Тинсуй оставалось лишь безмолвно смотреть, как пальцы девушки медленно ускользают из её рук, и Чжэнь Вэньцзюнь вновь устремляется вверх, обратно в полыхающий ад на поверхности.

Тяжёлая крышка подземного канала с глухим стуком затворилась. Вэй Тинсуй застыла в темноте укрытия, вспоминая то, как Чжэнь Вэньцзюнь в самый последний момент внезапно отбросила формальности и впервые назвала её просто по имени «Тинсуй», она совершенно потеряла счёт времени, погрузившись в глубокие мысли.

Ни одна живая душа в лагере Великой Юй не могла предположить, что кочевники Чунцзиня пойдут на столь дерзкий и молниеносный ночной штурм. И уж тем более никто не ожидал, что ради скрытного и бесшумного приближения к стенам Мэнляна свирепые степняки без колебаний бросят своё главное сокровище - боевых коней - и отправятся в поход пешим маршем. Но самым сокрушительным и непредвиденным ударом стало то, что враг полностью отказался от лобового тарана ворот и сделал ставку на массированную атаку бомбами с горючим маслом. Кочевники штурмовали цитадель её же собственным высокотехнологичным осадным оружием, и этот огненный ад был безупречным шедевром, созданным руками гнусного предателя Великой Юй Линь Цзяня.

Эта внезапная ночная атака принесла Мэнлян катастрофические, невозполнимые разрушения, а число погибших и раненых исчислялось тысячами. В ходе прошлых локальных стычек воины Чунцзиня успели досконально изучить каждый оборонительный узел крепости. Они прекрасно знали, что Южные ворота являлись самым уязвимым, ветхим и слабым местом во всей городской черте, а потому стянули туда всю ударную мощь коалиции, чтобы гарантированно удвоить свои шансы на успех.

Великий генерал Вэй Цзинъань бился насмерть на передовой, сцепив зубы и ведя полки в бой, он не мог позволить дикарям прорвать рубеж и ворваться на улицы города.

Чжэнь Вэньцзюнь вихрем взлетела на крепостную стену, с ходу включившись в резню и встав плечом к плечу с Вэй Цзинъанем и уцелевшими солдатами.

И в тот самый миг, когда Мэнлян уже ходил ходуном и готов был вот-вот пасть под натиском орды, на поле боя неожиданно подоспели А-Синь и Го Сяо. Зайдя кочевникам глубоко в тыл, они обрушились на штурмующие колонны Чунцзиня сзади, устроив им сокрушительный разгром. Вэй Цзинъань и Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно ухватились за этот драгоценный шанс. Распахнув створы ворот, они со всеми оставшимися силами лавиной хлынули из крепости наружу. Жестокая, кровопролитная битва кипела до самых первых лучей солнца, поле брани покрылось горами трупов, а над окрестностями стлался густой, удушливый шлейф пожаров. В ходе этой финальной схватки Вэй Цзинъань вновь сошёлся лицом к лицу с верховным вождём Хаэрцы и нанёс ему сокрушительное поражение. Его тяжёлое копьё насквозь прошило плечо

предводителя кочевников. Превозмогая дикую, нечеловеческую боль, вождь в панике развернул коня и бросился бежать.

Вэй Цзинъань уже изготовился было пришпорить жеребца и ринуться в безумную погоню, но Чжэнь Вэньцзюнь твёрдо перехватила его руку, останавливая:

– Генерал, стойте! Это с высокой вероятностью может оказаться коварной уловкой Чунцзиня с заманиванием в ловушку! Вам нельзя покидать позиции, сейчас главное удержать и зачистить стены!

– Но если мы упустим его сейчас и не сорвём голову с его плеч, в будущем нам может больше никогда не представиться столь великого шанса! – в ярости прорычал Вэй Цзинъань.

– Погоню возьму на себя я! – выкрикнула Чжэнь Вэньцзюнь. Во главе отряда лёгких всадников она вихрем сорвалась с места, устремляясь вслед за бегущим вождём. Вэй Цзинъань остался координировать оборону Мэнляна, и они вместе с А-Синь, объединив усилия, методично и безжалостно зачистили город от остатков вражеских отрядов. Впрочем, от некогда многотысячной общей армии Великой Юй к концу этой битвы тоже мало кто уцелел.

Эта грандиозная битва, грянувшая столь внезапно, непрерывно полыхала на протяжении суток и целой ночи, но в конечном счёте Мэнлян был спасён и остался в руках ханьских войск.

Понесся колоссальный, невосполнимый урон и растеряв весь свой боевой потенциал, орда Чунцзиня была вынуждена поспешно отступить далеко на север, за пределы империи. На приграничных рубежах Великой Юй наконец воцарился долгожданный, мирный покой.

Вот только абсолютно каждый выживший воин и командир в глубине души прекрасно понимал, что это временное затишье и долго оно не продлится. Стоит варварам Чунцзиня зализать раны, подтянуть резервы и восстановить силы, и они неизбежно вернуться с новой, ещё более свирепой волной нашествия. Колесо войны сделает очередной оборот, и эта бесконечная приграничная трагедия повторится вновь. Так велось веками, и изменить этот закон было не в человеческих силах.

И как бы то ни было, пугающее настоящее на время затихло, и великая резня подошла к своему промежуточному финалу.

Казалось бы, спасение страны и победа над несметной ордой должны были стать поводом для великого ликования и счастья. Однако ни Вэй Тинсюй, ни Линби, ни их преданные слуги не ощущали в своих сердцах ни малейшей капли радости от одержанного триумфа.

Весь их мир рухнул в одночасье.

Потому что Чжэнь Вэньцзюнь бесследно исчезла.

С той самой секунды, как она во главе конного отряда унеслась в ночь, преследуя раненого вождя Хаэрцы, от неё не поступило ни единой весточки, и не пришло ни одного военного донесения, девушка словно в мгновение ока полностью растворилась в воздухе.

Вэй Тинсюй задействовала всю свою шпионскую сеть и отправила сотни тайных стражей, которые буквально перерыли весь бескрайний северный край вдоль и поперёк, пытаясь отыскать хоть малейший след. Но все поиски оказались тщетными. Им не удалось обнаружить ни её самой, ни следов её отряда, ни даже её безжизненного тела среди павших на полях сражений воинов.

<http://bllate.org/book/17227/1744311>